

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д41

Sarah Jio
THE LOOK OF LOVE
Copyright © by Sarah Jio, 2016

Перевод с английского *Ирины Крупичевой*
Художественное оформление *Валерии Колышевой*

Джо, Сара.
Д41 Тихие слова любви : [роман] / Сара Джо ; [перевод с английского И. Крупичевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-113481-5

Хозяйка цветочного магазина Джейн Уильямс получает в день рождения письмо, где говорится, что она владеет уникальным даром — видеть любовь.

Поначалу Джейн принимает это за глупый розыгрыш, но череда событий заставляет ее поверить, что странное послание — не шутка.

Более того, до своего дня рождения Джейн должна успеть найти и распознать среди своих знакомых шесть типов любви и описать каждый из них в дневнике. Иначе, как говорится в письме, Джейн потеряет способность любить.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113481-5

*Посвящается моим дорогим друзьям,
которые были со мной в самые
мрачные часы моей жизни
и никогда не отпускали мою руку,
особенно это относится к Венди Парриере,
Натали Квик и Клэр Бидвелл Смит.
Это настоящая любовь.*

Если вы никого не любите,
все остальное не имеет значения.
Э.Э. Каммингс

Пролог

*Париж
1893 год*

В фешенебельном 5-м округе, протянувшемся вдоль Сены, возле своей тележки с цветами стояла Элоди и наблюдала за парочками, гулявшими рука об руку. «Любовь — не для меня», — думала она. Разумеется, завести дружка можно было без проблем. Взять, к примеру, парня, который возит тележку с мороженым. Или фермера. Или трубочиста. Или одного из тех, которые начищают до блеска ботинки господам побогаче. Нет уж. Элоди глубоко вздохнула и сорвала увядший листок с одного из пионов, стоявших в ведре с водой. Подняв глаза, она увидела Люка Дюмона, графа Овернского. Его цилиндр возвышался над толпой, запрудившей улицу. Встретившись с девушкой взглядом, он пересек вымощенную булыжниками мостовую, ловко увернувшись от кареты.

Граф часто подходил к тележке Элоди, чтобы купить цветы для своей жены Марселины, чей суровый вид, плотно сжатые губы и сердитые глаза

странно смотрелись рядом с его мягкой и добродушной физиономией. Иногда Элоди пыталась представить, каково это — быть графиней, *его* графиней. Она часто заглядывала в окна графского особняка, расположенного на другой стороне улицы, и гадала, на что похожа жизнь в его стенах.

— Здравствуйте, — сказал Люк и приподнял цилиндр.

— Здравствуйте, — ответила ему Элоди, слегка взволнованная его присутствием. — Вам, как всегда, букет для графини?

Как у торговца чаем есть своя собственная смесь сортов или ресторатор может угостить вас своим фирменным блюдом, так и Элоди умела составить букет особенным образом. Она отбирала для него лишь цветы зеленых оттенков — циннии, хризантемы и редкие розы цвета лайма, от красоты которых перехватывало дыхание. Такой букет она составляла лишь раз в день и держала его в глубине тележки, специально оставляя для Люка.

Граф ответил не сразу, потерявшись в ее глазах.

— Они зеленые, — неожиданно произнес он.

Элоди, не понимая, покачала головой.

— Ваши глаза.

Девушка улыбнулась.

— Да.

— Красивые глаза.

— Благодарю вас, сударь.

— Зовите меня Люк. — Он немного помолчал. — Могу ли я узнать ваше имя?

— Элоди.

— Элоди, — повторил граф, разглядывая цветы. Его взгляд остановился на выбитой по краю тележки надписи.

— Почему здесь эти слова? — спросил он, указывая на нее. — «Amour vit en avant»...

«Любовь продолжает жить». Это напутствие для Элоди произнесла ее умирающая мать.

— Не сдавайся в любви, моя дорогая Элоди, — говорила она сквозь слезы. — Не очерствей сердцем, как это случилось у меня. Храни любовь в своей душе. Откройся навстречу любви, даже если обстоятельства кажутся невозможными. Доверься любви. И не бойся проиграть. Ведь даже если ты проиграешь, любовь останется жить, — мать приложила руку к своему слабеющему сердцу. — Она будет жить вот здесь. Любовь не умирает. Она живет.

— Это слова моей матери, они меня утешают, — объяснила Элоди графу. — Они меня направляют.

Люк улыбнулся.

— Я бы хотел купить цветы.

Девушка кивнула.

— Хотите маленькую бутоньерку, месье? Я сейчас подберу...

— Я бы хотел купить все цветы в вашей тележке.

Элоди покачала головой.

— Вы шутите...

— Я абсолютно серьезен.

— Но что вы станете делать с таким количеством цветов? — засмеялась Элоди. — Сегодня

в моей тележке их несколько сотен. Гиацинты, розы, левкой, душистые летние пионы.

— Я хочу купить их для вас, — сказал Люк.

— Для меня? — изумилась Элоди.

— Для вас, — подтвердил граф, — чтобы вы могли сегодня не работать и прогулялись по Парижу, наслаждаясь солнцем.

Он вложил ей в руку стопку банкнот.

— Пройдетесь со мной?

Женевьева, цветочница и подруга Элоди, наблюдала за происходящим со стороны.

— Иди, — с улыбкой сказала она. — Я присмотрю за твоей тележкой.

— Идемте? — Люк предложил Элоди руку.

У нее не осталось выбора. Она приняла ее.

Глава 1

*2021 Пайк-стрит, квартира 602, Сизтл
24 декабря 2012 года*

Пытаясь открыть почтовый ящик, я придержала Сэма, моего золотистого ретривера. Швейцар Бернард оторвался от сортировки пакетов и опустился на колени рядом с Сэмом, чтобы почесать его за ушами.

— Доброе утро, Джейн, — поздоровался Бернард, глядя на меня снизу вверх и улыбаясь. — Вы слышали? Сегодня ночью ожидается снег, выпадет не меньше четырех дюймов.

Я вздохнула. Мы не получим цветы вовремя, если дороги покроются льдом. Я достала из ящика стопку писем и поздравительных открыток и отошла к большим окнам, выходящим на улицу, украшенным к Рождеству гирляндами лампочек. Сэм тем временем обнюхивал рождественскую елку в углу. Я оглядела Пайк-плейс. Рыночная площадь только-только просыпалась. Из трубы булочной шел дым. Торговцы свежей рыбой приплясывали на булыжниках мостовой возле своих лотков. Стайка любопыт-

ных туристов с зонтиками в руках (туристы *всегда* носят с собой зонтики) остановилась на противоположной стороне улицы, чтобы сфотографироваться. Они спугнули чайку, сидевшую на уличном указателе. Птица с недовольным криком улетела прочь.

— Смотрите, это снеговые облака, — сказал Бернард, кивком указывая на окно.

— Откуда вы знаете?

— Идемте со мной. — Бернард встал и вышел через двойные двери на улицу. Я последовала за ним. — Позвольте мне дать вам небольшой урок, посвященный облакам.

Я почувствовала прикосновение ледяного воздуха к лицу, вдохнула аромат молотого кофе и морской воды, душистый и соленый одновременно. Сиэтл. Сэм приветливо помахал хвостом, когда проходящая мимо женщина протянула руку, чтобы его приласкать.

Бернард указал на небо.

— Видите эти облака? Они называются перисто-слоистыми.

— Перисто... какие?

Швейцар усмехнулся.

— Эти облака обязательно появляются перед снежной бурей. Посмотрите, какие они тонкие и волнистые, похожи на выпавший снег.

Я с любопытством изучала облака, как будто они могли содержать послание, написанное метеорологическими иероглифами. Возможно, я смогу расшифровать язык облаков, если буду смотреть на них достаточно долго.

— А теперь взгляните вон туда, вдаль над заливом, — Бернард указал на далекие облака, нависшие над бухтой Эллиотт. — К нам приближаются снеговые облака. Они тяжелее и темнее. — Швейцар помолчал и приложил руку к уху. — Послушайте. Вы слышите это?

Я покачала головой.

— Что именно?

— Установилось какое-то необъяснимое затишье, — объяснил Бернард. — Все звуки как будто приглушены.

Сэм уселся на тротуаре у моих ног.

— Думаю, вы правы, — ответила я. — Утро на удивление тихое.

Я снова посмотрела в небо, но на этот раз рассмотрелась внимательнее.

— А вы когда-нибудь различаете в облаках что-то еще, Бернард? Картины? Лица?

Он усмехнулся.

— Конечно, я кое-что вижу. Но то, что вижу я, может отличаться от того, что видите вы. В этом смысле облака обманчивы.

Бернард надолго погрузился в молчание.

— Думаю, они показывают нам то, что мы *хотим* видеть, — наконец произнес он.

Он был прав. Я как раз кое-что увидела, и это меня напугало. Я тряхнула головой.

— Тогда я не скажу вам, что вижу, иначе вы станете смеяться надо мной.

Бернард улыбнулся краем губ.

— А что видите *вы*? — спросила я.

— Сэндвич с ростбифом, — усмехнулся он и потянулся к карману. — О, я едва не забыл. Это письмо для вас, — объяснил Бернад, протягивая мне розовый конверт. — Почтальон случайно положил его в почтовый ящик миссис Кляйн.

— Спасибо, — поблагодарила я и сунула письмо в карман. Остальную почту я отправила в сумочку. Это были по большей части нежеланные рождественские открытки. Идеальные, счастливые, улыбающиеся в камеру лица. Стоит ли говорить об обманчивости облаков?

— Веселого Рождества, — пожелал Бернад. Сэм натянул поводок.

— И вам веселого Рождества, — ответила я. Слова эхом отдались в моей голове. *Веселого Рождества*. Я не чувствовала никакого веселья. Правда, так всегда бывало в это время года.

Мы с Сэмом свернули за угол, и я кивнула Мелу, владельцу киоска с газетами на Пайк-плейс. Он подмигнул и указал на омелу, свисавшую с тента.

— Как насчет того, чтобы поцеловать старину Мела?

Я сделала вид, что смущаюсь, и глупо усмехнулась. Мел нахмурился.

— Даже в канун Рождества, Джейн?

Я нагнулась и быстро клюнула его в щеку.

— Пожалуйста. — Я улыбнулась. — Довольны теперь?

Мел вцепился в щеку и разыграл сковывающий лицо паралич.

— Лучший день в моей жизни, — сказал он. Ему было почти семьдесят, и сорок лет или даже больше он продавал газеты. Этот лысеющий мужчина маленького роста с пивным животом флиртовал с каждой женщиной на рынке, а вечером отправлялся в свою крошечную квартиру, расположенную в двух кварталах от площади, выше на холме, где он жил в одиночестве.

— Моя Адель любила канун Рождества, — сказал Мел. — Она любила омелу. На Рождество у нас всегда был настоящий праздник — жареное мясо, елка, иллюминация.

Я положила руку на его рукав. Хотя его жена умерла восемь лет назад, Мел говорил о ней так, словно утром они вместе завтракали.

— Я знаю, как вам ее не хватает.

Мел взглянул на облака. Интересно, что он в них видит?

— Каждый проклятый день, — пробурчал он. Я увидела печаль в его глазах, но это выражение сразу изменилось, когда к киоску подошла женщина лет семидесяти. Она была высокого роста и возвышалась над Мелом, словно небоскреб Коламбия-Центр над невысоким зданием на углу Четвертой авеню и Пайк-стрит по соседству. У женщины были серебристо-седые волосы и точеные черты лица. Элегантная, с ниткой жемчуга на шее, она определенно была красавицей в молодости.

— У вас есть «Таймс»? Лондонская «Таймс»? — спросила она тоном, выдающим разочарование. Го-